

Светлана Кошуба
КАК ДУРА С НАМЫТОЙ
ШЕЕЙ

16+

Светлана Кошуба
Как дура с намытой шеей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64035701

SelfPub; 2021

Аннотация

Короткие легкие юмористические рассказы из эмигрантской жизни, полные иронии и сарказма: о неудачливых женихах, студенческих и чисто женских проблемах.

Содержание

КАК ДУРА С НАМЫТОЙ ШЕЕЙ	4
АМЕРИКАНСКИЙ ЖЕНИХ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Светлана Кошуба

Как дура с намытой шеей

КАК ДУРА С НАМЫТОЙ ШЕЕЙ

Они познакомились на международном конгрессе много лет назад.

Как-то, из моря новых лиц и имен, он – весьма интересный одинокий мужчина из Израиля – выделил её. Пару знаков особого внимания, пару пристрастных комплиментов, пару прогулок при луне. Разъехались с телефонами друг друга... Начался многолетний телефонно – интернетный роман.

– Ты должна приехать и научить меня семейной жизни,

– твердил он уже не в первый раз.

О, учить мы любим! – подумалось ей. Нас хлебом не корми, только дай возможность кого-то поучить. А тут ученик сам напрашивается на поучения.

– Я ведь был женат всего пару месяцев.

– И какая же стерва не оценила такого прекрасного человека!

– Мы потом решим, где будем жить: тут или там. Ну? Я высылаю билеты... на 3 недели.

И... она рискнула.

Пару недель усиленной диеты... Как энциклопедию по уходу за засидевшимся женихом, она брала с собой наставления подруги Наташки:

– Тебя губят твои сильно закрученные мозги и распирающее чувство юмора. Рот – закрой, уши – открой. Дай возможность мужику возле тебя развернуться: поумничать, почувствовать себя хозяином, – наставляла ее мудрая Наташка.

– Я воль, мэм! – отвечала наша героиня. Наташкиному опыту она доверяла.

Взлет-посадка. Раннее утро.

Его опоздание скрасил со вкусом подобранный букет роз. На новенькой Ауди они проехали по сказочному городку, утопающему в зелени. 5-тикомнатная квартира с двумя ванными и туалетами! Еще бы! 16 лет работы в мэрии Иерусалима! Все очень аккуратно типично по-израильски: мраморные полы, шикарная терраса, минимум мебели.

– Можно я не буду снимать пока туфли? – спросила она, поскольку обувь всегда подбирала, как важнейшую часть туалета и чувствовала себя без каблука, ну, просто ниже уровня моря (тем более, что в квартире не было ни одного ковра или паркета, которые можно бы было испортить каблуками).

– Нет, все же сними, – ответил ее жених и поставил перед ней тапочки 43 размера.

– Потом достанешь свои. Я надеюсь, ты их привезла? Удивившись столь «светскому» приему, нехотя, она повиновалась, сразу же почувствовав, как ее наряд в этих тапочках тут же превратился в наряд Золушки ДО её встречи с Волшебницей.

Они стали накрывать стол к праздничному завтраку. Она взялась помогать ему. И вдруг услышала:

– А ты помидоры помыла мылом?

– Мылом?! – Пауза. – А что, у вас арабские террористы опрыскивают помидоры цианистым калием? (О, боже, закрой рот, вспомнила она наставления Наташки!)

– Так делала моя мама. Так она научила меня. Счастливая еврейская мама! – подумала она.

-Надо полагать, ты стол протерла с мылом? – прозвучал следующий вопрос.

Да что же тебя так на этом мыле зациклило! – подумала она. – Молчать! Без комментариев! – с трудом приказала она себе, но чувство юмора уже перло из нее бесконтрольно:

– А что, ты неделю не был дома? Или у тебя тут дизентерия?

– Не иронизируй. Моя мама была лучшей хозяйкой в округе.

Что-то ей эта утренняя прелюдия-разминка «на троих» переставала нравиться...

«Семья -это бесконечные жертвы» – вспомнила она наставления подруги и представила себе бедную маму, попавшую во время эвакуации в дикий узбекский кишлак, где кишели вши и тиф, и которая так и не смогла перестроить себя за столько послевоенных лет к условиям новой жизни. «Будь снисходительна к ее памяти», – приказала она себе, – а заодно и к его сыновним чувствам... «Молодец!» – похвалила она себя и села, наконец-то, к столу. Но неожиданно последовало новое указание:

– Придвинь стул ближе к столу, чтобы крошки не сыпались на пол.

И лично придвинул ее стул к столу. Ее чувство юмора еще

не успело сработать, как раздалась целая серия следующих указаний:

– Придвинь к себе ближе тарелку, чтобы крошки не сыпались на стол! – Ага, то было на пол, а теперь уже на стол! Теперь в ребра упирался и стол, и тарелка, которую, вообще-то видно почти не было. Она находилась где-то вне зоны видимости под ее мощным бюстом, который просто возлегал на тарелке. Продезинфицированные помидоры имели шанс вообще в рот не попасть.

– Смотри, не залезь своей ложечкой в кофе. И уже через полминуты нужно было быть внимательной, чтобы не залезть этой чертовой ложечкой в сахар!

– Смотри, не облокотись на стену, а то сотрешь мне побелку! Смотри, не задень кабель.

И так далее и тому подобное...

Она досчитала до трех, набрала воздух и, стараясь быть очень спокойной, речитативом произнесла:

– Вообще-то, если тебе не изменяет память, я приехала не из Конго, а из европейской и очччень цивилизованной страны – Германии, – осмелела она.

Закончив завтракать, он неожиданно согнулся в 3 поги-

бели, наслюнявил указательный палец и стал налеплять на него, как на клей, с пола крошки, все-таки просочившиеся туда, но исключительно возле его места. Возле нее этим крошкам даже и не было шансов проскользнуть вниз. Где крошки может быть и были, так это в ее декольте.

Тем не менее, как истинная еврейская невеста с 2-хлетним стажем мытья посуды в немецком ресторане, после завтрака она взялась помыть посуду. И зря... его голова уже зловеще зависла над ее плечом.

Руки стали подрагивать.

– Как ты моешь посуду!?! – взревел он.

– А как? Так моют посуду у нас в Германии.

– Вот у себя в Германии и будешь так мыть, а у нас моют по-другому! – негодовал он, вырвав со злостью тряпочку из ее рук и демонстрируя перед ней метод мытья посуды времен маминой эвакуации, как некое ноу-хау израильской технологии! – Поняла? – и вернул ей тряпочку.

«Ага, так вот почему он был женат всего пару месяцев!

Какая же женщина потерпит этот терроризм! Этот диагноз у нас в Германии называют «Контроль Фрик» или по-

русски я бы перевела его как «Партия наш рулевой».

А с чего это я решила, – подумала она, – что этот «Врожденный холостяк» позволит кому-то нарушить его пространство, его собственное!».

Тем не менее, домыв посуду «его способом», она встала перед дилеммой: а какой же тря-почкой мыть раковину? Перед нею лежали две: от посуды и от стола. Ну, как Вы думаете, какой? Ага, фигушки Вам! Она рискнула одной из них, ведь те только что лежали в раковине.

Но сзади снова раздался возмущенный рев:

– Что ты делаешь!? Какой тряпочкой ты моешь раковину!? – В подтексте звучало: «дура!» – А какой? – затравленно промямлила она. – Второй, что ли?

– Нет! Нет! У меня есть для этого... ха-ха-ха, – благодушно и иронично похихикивал он, – Фокус-покус! третья тряпочка!!! – победоносно уже визжал он.

– Но тут ее не было... – пыталась она защитить себя.

– Пра – виль –но!!! Потому что я мою раковину раз в 3-4 дня!

– А я после каждого мытья посуды, – решила заступиться она за себя.

– Вот и мой у себя в Германии после каждого. И в чужой

монастырь не лезь со своим уставом!

Протирая покрытие возле раковины, она подняла кофеварку и чайник и, вероятно, немного изменила дислокацию этих предметов. Но незамедлительно услышала:

– Поставь как было, – прокомментировал он ее движения голосом Левитана, сообщающего сводки военных действий.

Ей с такой тоской захотелось домой на Родину, в родную Германию, где все друзья считают ее чудной хозяйкой... А она – дура!! – везла ему рецепты излюбленных ее гостями блюд! Да кому они здесь нужны! Двум хозяйкам на кухне не бывать!

«Боже, так это еще только завтрак! А как же пережить еще обед и ужин, а главное – ночь!

И еще... 3 недели!» Она его уже ненавидела. Но к обеду она уже знала, как нужно подвинуть стул и тарелку, как нужно мыть посуду и какой тряпочкой, что мыть с мылом и без.

Настроение господина Макаренко заметно улучшилось. Он был весьма и весьма доволен (не способной ученицей, конечно, а своим педагогическим талантом, позволившим новобранцу-новобранке так быстро усвоить его уроки!) Поэтому... после обеда была предложена развлекательная программа. И они поехали... на кладбище к маме...

К ночи он стал расслабляться от претензий. Его глазки

замаслились нетерпеливым ожиданием, подхалимажем и лестью, а она прокручивала в голове тысячу причин для того, чтобы как-то перебраться в зал на диванчик. Но голос Наташки неумолимо чревовещал в ней:

«А ты думала наши мужья лучше!? Да семейная жизнь – это каждодневный компромисс и подстраивание во имя семьи! Вперед! На мины!». Как жертвенный агнец, принесенный на алтарь семьи, она поволокла себя из кухни, помыв, конечно же, вечернюю посуду «его способом», в спальню, где он настраивал видеоманитофон, и взяла в руки намечавшийся фильм.

– В этом доме, прежде чем взять что-то в руки, спрашивают разрешения, – указал он ей менторским тоном, но увидев ее реакцию полного шока, тут же принялся извиняться:

– Ну, прости, прости, пожалуйста. Я такой зануда, я знаю. А ты не молчи. Ты дай мне отпор. Я хамлю, борзею, а ты поставь меня на место! – и примирительно ее чмокнул. Но тут же, как вспомнив что-то, выпалил:

– А ты руки помыла? – спросил он, пристраиваясь, чтобы в очередной раз ее чмокнуть.

– Зачем? Я же в моющем средстве мыла только что посуду...

– Вот именно, посуду, – радостно и совершенно миролюбиво подхватил он.

«Ну? Думай, думай, рассуждай», – звучал его подтекст.

– А сейчас будешь прикасаться уже к... ну, к кому? К... мужчине. – Звучал совершенно безобидный голос воспитателя детского сада, подталкивающего детишек к правильному ответу.

Она молча смерила его убийственным взглядом и ушла в ванную принимать свой ежевечерний душ... Выходить не хотелось. Но что-то же нужно было предпринимать!?! – И решение было принято.

Она мученически выволокла себя из ванной.

– Я утром уеду, – выдавила она, принятое там решение. Он бросился на колени, обнимал ее ноги и молил:

– Я знаю, ты можешь меня ненавидеть. Ну, прости меня. Я знаю, что могу замучить любую бабу! Не уезжай! Я буду стараться!

«Ты будешь!!!» -иронично пронеслось в ее голове. Но прощать не хотелось. А мужчины с чистыми руками не хотелось вообще. Почему-то возникла тюремная ассоциация: «С чистой совестью!» и, непременно, со словами «на свободу!»

Ночь ушла на мольбы, сопли, извинения и раскаяния.

– Ну, что, что ты струхнула? Не уезжай! Мы с тобой через пару деньков так притремся друг к другу, мы будем такой

чудной парой! Да через три недели я бы был уже, как шелковый!

(Ты бы был! Читай: ты была бы уже, как шелковая.) Но ее уже трудно было остановить.

Провожая ее в аэропорту, он был внимателен, тактичен и произнес свой самый главный, припасенный только для нее, аргумент отчаяния:

– Я тебя так приблизил, как никого! Ты единственная женщина, которую я повез на кладбище к маме! Наверное, это было жестоко с ее стороны, но она все же решилась ему ответить:

– Я думаю, что другим твоим женщинам повезло больше, чем мне. Их ты, наверное, водил есть в ресторан, а кладбище в программе заменял на театр.

Так, как дура с намытой шеей, вернулась она домой, где все были так счастливы ее видеть.

И закатила пир! Стол ломился от яств! (А помидоры, помидоры-то не нужно было мыть с мылом!)

Какое же это счастье быть одной!!!

АМЕРИКАНСКИЙ ЖЕНИХ

Как-то в моей квартире раздался звонок. Моя сердобольная подруга из Америки, страшно переживающая, что я такая умница-разумница, красавица и пр. и пр. («Такое добро пропадает!» – и одна), дала мой номер телефона своему американскому знакомому. У моей приятельницы, не обремененной особыми принципами, своеобразный подход к подбору кадров: если у мужчины в портмоне больше 100 долларов, то его уже можно рассматривать как кандидата в женихи.

Кандидат оказался выпускником Киевского театрального училища по специальности режиссер массовых мероприятий. И это, знаете ли, очень, как-то, было заметно. Массовик-затейник пер из него изо всех дыр. Так, он звонил, например, задавал вопросы мне, но отвечал на них сам и, знаете ли, так пространно, с анекдотами и прибаутками. Например: «Ну, как дела?» – Я только открывала рот, чтобы рассказать, как же у меня дела, но шансов рассказать о них у меня просто не было. «Небось делаешь то-то или то-то?» – И тут шла серия анекдотов на тему «Чем занимаются обычно женщины». Потом, отталкиваясь от этой мысли, делалась связка: «Знаю я вас, женщин».

И шла новая волна прибауток и шуток про дебильных женщин. Так, «поговорив» с массовиком-затейником минут 30, ничего не узнав о нем, ничего не рассказав о себе, мы прощались, опять-таки с серией анекдотов на тему «Прощание». Он напоминал мне конференсье, которому нужно было развлечь публику, пока опаздывающая звезда выбирается из пробки.

Но ему почему-то показалось, что мы все же родственные души. И он сообщил мне, что приезжает в Германию и берет на неделю для нас путевки в Испанию. Я в шоке. Советуюсь со своей взрослой дочерью.

– Мама, папу не вернешь, надо подумать о себе. Надо в жизни что-то менять.

– Но он столько говорит. Меня уже сейчас раздражает этот словесный понос

– Мужчина стесняется и от стеснения молотит, что попало. Привыкнет – станет меньше говорить. Перевоспитаешь, в конце концов.

И я... согласилась. Но мое условие: свою часть поездки я оплачиваю сама.

Он должен приехать в обед, переночевать у меня, а утром мы едем поездом в Гамбург. Оттуда начинается наше авто-

бусное путешествие в Испанию. Встречаю его на вокзале. Выходит из вагона донкихотовского роста и худобы ковбойская шляпа в ковбойских сапожках на каблучках... Он, не знающий ни единого слова по-немецки, а по-английски говорящий, как советский пятиклассник, вываливается из вагона, окруженный молодежной компанией. Прощаясь, чисто по-американски, со всеми обнимается, братается, всех похлопывает по плечу, говоря каждому «окей?» и «йес?» (Почему-то с вопросительной интонацией...). Очень театрально и пышно поприветствовал меня. И тут же представил меня всей компании, как свою невесту.

– А кто это? – спросила я.

– Да, в поезде познакомились.

– А на каком же языке вы общались?

– Руками, ногами, мимикой. Театр-великая сила!

Я была в полной растерянности: как мне его оценить? – Чудоковатый балабол?

По дороге к машине я встретила приятельницу, которая, приостановившись на минутку, успела мне на ухо шепнуть: «Какой красавец!». А я что-то этого даже и не заметила. Ну,

хорошо, раз он так нравится женщинам, поищем в нем что-нибудь еще приятное.

Нас ждала машина моего крутого зятя. Дочь тоже там. По-знакомились. Сели в машину. И тут гость выдает:

– Сегодня вечером я приглашаю вас всех в ресторан. Кушать будете все, что захотите, – я плачу!

Да-да. Он так и сказал. Именно: «кушать» и с пафосом: «я плачу!».

Мой зять с усмешкой искоса посмотрел на меня. Его взгляд говорил: «Это что за такое чудо ковбойское приехало, пытающееся удивить меня бесплатным ужином!?».

Дома он стал вынимать подарки, купленные явно по доллару в киоске аэропорта. Но каждый подарок облекался такой вступительной речью, так сладко продавался! Так конферансье подает публике провинциального баяниста, подсу-нутого ему филармонией, в совместном концерте со звездой союзной величины. Например, полиэтиленовую скатерку, сворачиваемую с мизинчик, но зато с американским фла-гом, гарнировал речугой о дружбе народов и анекдотцем на эту тему. А моему сыну двенадцати лет, 10 сантиметровый сувенирный самолетик, как для детей до 3 лет- литой, чтобы они не проглотили детали. (Если бы он был внимательным в телефонных разговорах со мной, то у него бы отложилось в памяти, что мой сын играет в сборной города по хоккею,

а собирает сборные модели самолетов, выписывая иногда их даже из той же Америки).

«Будущему летчику-испытателю, открывателю новых миров!!! Тра-та-та!!! Закрой глаза!». Но надо отдать ему должное, поскольку в Америке он работал ювелиром, он привез мне в подарок...бриллиантовое золотое кольцо, правда, подержанное. Оно было преподнесено с такой же помпой и таким же фейерверком, как и все остальное.

Я пыталась отказаться от такого дорогого подарка. Дорогой подарок как-то обязывает ко многому.

Но...пора было ехать – по его приглашению – в ресторан. Подъехал зять с дочерью. Поехали в ресторанный район. Но, к сожалению, неожиданно полил, как из ведра, страшный дождь, и мы ткнулись в первую попавшуюся дверь. Это оказалась дверь китайского ресторана. Но деваться было некуда- за окном стоял стеной ливень.

Он театральным жестом – щелкая пальцами – стал подзывать официантов, чего в Германии, с ее демократией, никто и не мыслит себе позволить. Что-то кричал им вдогонку. Выбегал из-за стола, обнимал бедных коротышек, похлопывал их по плечу, делал с ними сэлфи в обнимку. За столом так громко кричал, что на нас стали неодобрительно оборачиваться соседи. Каждые пять минут он приговаривал: «Ку-

шайте, кушайте». Напоследок он собрал всех официантов и демонстративно стал им раздавать каждому по десятке чайных. Немцы ошалело смотрели на гульбон заезжего русского купчишку, желающего пустить пыль в глаза. Я была готова провалиться под стол, было просто неудобно перед крутым зятем. Я не представляла себя рядом с таким суетливым и помпезным человеком. Мне хотелось видеть рядом с собой мужчину с большим достоинством, чем у этой прыгающей обезьяны. Дочь поглаживала меня по локотку, приговаривая: «Ничего – ничего, все утрясется».

Возвращаясь домой, по дороге, я все ломала голову: как же нам расположиться на ночлег? Я – тургеневская барышня. Меня очень трудно уложить мужику в постель. Ему очень надо потрудиться для этого. Меня можно очаровать интеллектом, знаниями, воспитанием, судьбой, в конце концов. Но купить Меня невозможно. Никакими суммами.

Деньгометание меня отвращает, вызывает раздражение. Чего он и добился – колхоз «Путь Ильича»! Но вопрос решился сам собой:

– Знаешь, может быть ты мне сегодня постелила бы в зале? Я перед приездом к тебе заехал в Австрию к другу и там с ним попал в аварию. Мы стукнулись с другой машиной. У меня поэтому так поясница болит. Мне бы отлежаться и

отоспаться сегодня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.